

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. Мятежный князь

П. А. Кропоткина (1842 - 1921), революционера-анархиста и ученого, Б. Шоу назвал "одним из святых столетия". Эти слова подводили итог жизни князя Кропоткина. А ее начало было связано с отказом от всех привилегий и прав, которыми он мог пользоваться как потомок древнего княжеского рода, получивший образование в Пажеском корпусе.

В 1877 г. началась сорокалетняя эмиграция Кропоткина, связанная с тем, что за свою революционную деятельность он был заключен в Петропавловскую крепость, затем переведен в Николаевский военный госпиталь, откуда бежал в Швейцарию.

ПО ЗАКОНАМ ПРИРОДЫ

В отличие от другого теоретика анархизма - М. Бакунина, Кропоткин был больше социологом, чем философом, и занимался вопросами реальной организации анархистского общества - то есть такого, в котором не было бы государственной власти.

Теория Кропоткина строилась на самых широких обобщениях в области естественных и общественных наук: он исходил из того, что существуют естественные законы, которым подчиняется все живое и благодаря которым человечество может организоваться в свободные самоуправляющиеся ассоциации (так же, как самоорганизуются муравьи и пчелы), тогда как государство есть искусственное построение для того, чтобы одни "держали в повиновении других и заставляли их на себя работать".

Торжество анархо-коммунизма должна была обеспечить прежде всего экспроприация. Общественной собственностью, по Кропоткину, должны стать не только земля и фабрики, но и все "жизненные припасы".

"Пусть каждый берет сколько угодно всего, что имеется в изобилии, и получает ограниченное количество всего того, что приходится считать и делить" - вот система распределения жизненных благ.

Физическая работа, по Кропоткину, обязательна для всех членов общества.

Увы, идеи Кропоткина об обязательной физической работе, о всеобщем равенстве во всем вряд ли отвечали идеалу "свободного общества", поскольку регламентировали его жизнь. Созданная Кропоткиным модель оказалась казарменно- коммунистической.

Имея в виду именно анархо-коммунизм, Кропоткин писал, что организацию этого строя нельзя поручить "какому-нибудь законодательному собранию... Оно должно быть делом всех, оно должно быть создано творческим умом самого народа; коммунизм нельзя навязать свыше. Без постоянной, ежедневной поддержки со стороны всех он не мог бы существовать; он задохся бы в атмосфере власти". Эти предположения стали сбываться еще при его жизни.

"КОММУНИЗМ НЕЛЬЗЯ НАВЯЗАТЬ СВЫШЕ"

Кропоткин вернулся в Россию только после Февральской революции 1917 г. Жил сначала в Петербурге, в августе уехал на Государственное совещание в Москву. В своем выступлении он призывал к единству левых и правых сил для общей работы на благо революции, для "самоуправления и труда".

Вскоре после начала октябрьских боев в Москве Кропоткин переселился в Дмитров и там провел последние четыре года жизни.

К Октябрьской революции Кропоткин поначалу отнесся положительно, но очень быстро его восторги поубавились. Помимо разработки теоретических вопросов кооперации, он вынужден был заняться практическими делами кооператоров, прежде всего - спасая их от преследований органами власти. С началом "красного террора" он неоднократно устно и письменно обращался к В. И. Ленину с ходатайствами об осужденных и заложниках, призывал к милосердию, "чистоте революционного идеала, несовместимого с понятием заложничества".

"Неужели, - писал Ленину революционер-анархист, - среди вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры... не достойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах; что на такие меры не может идти тот, кому дорого будущее коммунизма". "Озлобление, вызванное в рядах Ваших товарищей после покушения на Вас и убийства Урицкого, вполне понятно. Но что понятно для массы, то непростительно для "вожаков" Вашей партии. Их призывы к массовому красному террору; их приказы брать заложников; массовые расстрелы людей, которых держали в тюрьмах специально для этой цели - огульной мести... это недостойно руководителей социальной революции..."

В другом письме Ленину Кропоткин, возвращаясь к опыту Французской революции, напоминает, что "террористы комитета общественной безопасности оказались могильщиками революции".

"СОЦИАЛИЗМ ОБРАТИТСЯ В ПРОКЛЯТИЕ..."

Осуждая террор, Кропоткин указывал и на другую кардинальную, по его мнению, ошибку революционных преобразований. Речь шла о Советах, которые идеолог анархизма считал великим завоеванием революции.

"Без участия местных сил, - писал он в марте 1920 г., - без строительства снизу - самих крестьян и рабочих - постройка новой жизни невозможна. Казалось бы, что именно такое строительство снизу должны были бы выполнять Советы. Но Россия уже стала Советской Республикой лишь по имени. Наплыв и верховодство людей "партии", то есть преимущественно новорожденных коммунистов... уже уничтожили влияние и построительную силу этого многообещавшего учреждения - Советов. Теперь правят в России не Советы, а партийные комитеты, и их строительство страдает недостатками чиновничьего строительства".

"Несомненно одно, - продолжает Кропоткин, - если б даже диктатура партии была подходящим средством, чтобы нанести удар капиталистическому строю (в чем я сильно сомневаюсь), то для создания нового социалистического строя она безусловно вредна. Нужно, необходимо местное строительство местными силами, а его нет. Нет ни в чем. Вместо этого на каждом шагу людьми, никогда не знавшими действительной жизни, совершаются самые грубые ошибки, за которые приходится расплачиваться тысячами жизней и разорением целых округов... Если же теперешнее положение продлится, то самое слово "социализм" обратится в проклятие. Как оно случилось во Франции с понятием равенства на сорок лет после правления якобинцев".

Пути дальнейшего развития не только России, но и других стран Кропоткин видел в местном советском строительстве и кооперации: "кооперативное движение - особенно русское крестьянское кооперативное движение - будет в последующие 50 лет служить творящим ядром коммунистической жизни"; "идея Советов, контролирующая политическую и экономическую жизнь страны, - великая идея..."

В то же время в Обращении к западноевропейским рабочим (1920 г.) он предупреждал: "До тех пор, пока страна управляется диктатурой партии. Советы рабочих и крестьянских депутатов не будут иметь значения. Они приобретают пассивную роль..."

Рабочие Советы прекратили осуществлять свободное руководство тогда, когда прекратилась свобода печати, - мы очутились в таком положении около двух лет назад, - предложом для таких мер было

состояние войны. Более того, Советы... потеряли свое значение тогда, когда была прекращена свободная предвыборная агитация, и выборы стали проводиться под давлением партийной диктатуры. Конечно, оправданием этих мер, этого диктаторского курса была неизбежность таких в борьбе со старым режимом. Но подобный метод управления, вполне возможно, станет страшным препятствием тогда, когда революция перейдет к строительству нового общества на новой экономической основе". Социальному прогнозу Кропоткина нельзя не отдать должное.

Последним трудом идеолога анархизма стала "Этика": нравственность Кропоткин считал "громаднейшим двигателем прогресса".

Эта работа, по мнению Кропоткина, была особенно важна после революции, когда понятия морали оказались зыбкими, если не стерлись вообще. Его близкий друг Н. Лебедев свидетельствовал, что Кропоткин "не один раз говорил о том, что, может быть, именно вследствие отсутствия этого возвышенного морального идеала русская революция и оказалась бессильной создать новый общественный строй на началах справедливости и свободы".

Умер Кропоткин в Дмитрове в 1921 г. Для участия в его похоронах из тюрем на один день были освобождены арестованные анархисты под единственную гарантию - честное слово.

В 1923 г. в доме, где родился Кропоткин, был открыт мемориальный музей, но в 1939 г. его закрыли на "восстановительный ремонт", чтобы больше не открыть - его экспонаты были переданы Музею Революции. Участники Комиссии по творческому наследию Кропоткина надеются открыть музей в 1992 году, когда исполнится 150 лет со дня рождения ученого. Но пока что на письмо, адресованное комиссией Г. Попову, ответа нет.

Н. ПИРУМОВА, доктор исторических наук.